

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 328.123(470.23-25)

Дата поступления: 18.05.2022
рецензирования: 20.07.2022
принятия: 28.08.2022

Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде 1920-х гг.

Д.А. Баринов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Аннотация: Студенчество традиционно являлось питательной средой для политического протеста. Эта традиция сформировалась еще в дореволюционный период, когда учащиеся университетов и институтов были активными участниками как работы политических партий различного толка, так и общеузовской борьбы за расширение автономии высшей школы. В первое время после революции студенчество продолжало быть одной из наиболее активных протестных групп, что наиболее ярко проявилось во время внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Продолжая тему студенческого движения в раннем СССР, затронутую нами в предыдущих публикациях, в данной статье мы обратились к проблеме мотивации вузовцев-оппозиционеров. Для этого нами были привлечены материалы Контрольных комиссий ВКП(б) и личных партийных дел, которые позволяют компенсировать малое число источников личного происхождения, связанных с историей левой оппозиции. Несмотря на большой рост интереса к теме антисталинской альтернативы в ВКП(б), этот ценный круг источников не был задействован в существующих исследованиях. В статье приводится группировка основных мотивов и причин вовлечения в оппозиционную работу, а также оценка того, насколько они совпадали с содержанием программных документов, подготовленных лидерами движения. Среди основных причин, выявленных нами: разногласия с ЦК по крестьянскому и китайскому вопросу, зажим внутрипартийной демократии, поиск острых ощущений, защита авторитета большевистских вождей (Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого) и др. Нами также будет описан путь вовлечения студентов в оппозиционную борьбу и определено место в этом процессе неформальных и родственных связей.

Ключевые слова: левая оппозиция, высшая школа, история ВКП(б), внутрипартийная борьба, студенческое движение, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-54.2022.2.

Цитирование. Баринов Д.А. Путь в оппозицию: причины студенческого протеста в Ленинграде в 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 3. С. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-52-61>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баринов Д.А., 2022

Дмитрий Андреевич Баринов – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.05.2022
Revised: 20.07.2022
Accepted: 28.08.2022

Path to opposition: the motives of the student protest in Leningrad in the 1920-ies

D.A. Barinov

Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: barinovdima1990@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Abstract: Students have traditionally been a breeding ground for political protest. This tradition was formed back in the pre-revolutionary period, when students of universities and institutes were active participants in both the work of political parties of various persuasions and the all-university struggle for expanding the autonomy of higher education. In the first period after the revolution, the students continued to be one of the most active protest groups, which was most clearly manifested during the intra-party struggle of the 1920-ies. Continuing the theme of the student movement in the early USSR, which we touched upon in previous publications, in this article we turned to the problem of motivating opposition university students. To do this, we used materials from the Control Commissions of the CPSU (b) and personal party files, which make it possible to compensate for the small number of sources of personal origin related to the history of the Left Opposition. Despite the great growth of interest in the topic of the anti-Stalinist alternative in the CPSU(b), this valuable range of sources was not included in the existing studies. The article provides a grouping of the main motives and reasons for involvement in opposition work, as well as an assessment of how they coincided with the content of program documents prepared by the leaders of the movement. Among the main reasons that we have identified are: disagreements

with the Central Committee on the peasant and Chinese issues, suppression of inner-party democracy, the search for thrills, the protection of the authority of the Bolshevik leaders (G.E. Zinoviev, L.D. Trotsky), etc. We will also describe the path of involvement of students in the opposition struggle, and the role of informal and family ties in this process will be determined as well.

Key words: left opposition; higher education; history of the CPSU (b); internal party struggle; student movement; L.D. Trotsky; G.E. Zinoviev.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences MK-54.2022.2.

Citation. Barinov D.A. Path to opposition: the motives of the student protest in Leningrad in the 1920-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 52–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-52-61>.

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Barinov D.A., 2022

Dmitry A. Barinov – Candidate of Historical Sciences, research fellow, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya Street, Saint Petersburg, 197110, Russian Federation.

Введение

Исследование политических столкновений внутри ВКП(б) в 1920-х гг., как правило, ограничивается лишь историей центральных и местных партийных органов [Назаров 2002; Фельштинский, Чернявский 2013, Апальков 2022]. Однако отличительной особенностью внутрипартийной борьбы является участие в ней массы рядовых большевиков. Каков был их путь в оппозицию? В чем им виделась ошибочность курса Сталина – Бухарина? Насколько взгляды рядовых оппозиционеров отражали программные документы, подготовленные старыми большевиками? Ответы на эти вопросы помогут расширить представление о низовой работе оппозиции. Нам кажется, что пример петроградского студенчества будет адекватным для решения этих задач. Как мы отмечали в предыдущих публикациях, студенты и преподаватели вузов играли знаковую роль в ведении оппозиционной борьбы. В 1923 г. вузовские партийные ячейки стали фактически единственными коллективами, поддержавшими «новый курс» Троцкого [Резник 2018, с. 189; Дмитренко 1987, с. 19, 32–33]. Во время действия ленинградской оппозиции 1925–1926 гг. вторым фронтом борьбы (после фабрик и заводов) со сторонниками Зиновьева стали коллективы крупных вузов [Баринов 2021 с; Halfin 2007, pp. 178–226]. Во время существования блока Троцкого – Зиновьева в 1926–1927 гг. университетские и институтские ячейки оппозиции часто становились наиболее крупными, а преподаватели вузов были в числе ключевых организаторов и теоретиков движения [Баринов 2021 b, Стефаненко 2021]. Велико было представительство вузовцев и в период подпольной борьбы [Баринов 2022, с. 21–22, Гусев 1996].

Для нашего исследования важно оценить мотивацию участников оппозиционной работы и понять, имелись ли у сторонников Троцкого и Зиновьева собственные причины для включения во внутрипартийную борьбу, или их политическая активность была лишь откликом на программы, предлагаемые авторитетными большевиками. Однако поставить этот вопрос легче, чем его решить, т. к. круг источников личного происхождения, связанных с рядовыми оппозиционерами, крайне ограничен. На наш взгляд, восполнить этот пробел

могут материалы партийных и контрольно-партийных органов. В конце 1927 – начале 1928 гг. началась массовая проработка оппозиционеров в Контрольных комиссиях, по результатам которой определялась мера партийного взыскания (как правило, исключение из ВКП(б)). Сохранившиеся протоколы и выписки из опросов оппозиционеров дают опору для создания политического портрета сторонников Троцкого – Зиновьева. Комиссия старалась выяснить основные разногласия с линией ЦК, причины вступления в ряды оппозиции, знакомство с ее материалами, характер работы, фамилии соратников и т. д. Разумеется, многие «фракционеры» старались приуменьшить свою вину или вовсе односложно отвечали на вопросы. Однако сам принцип действия комиссии заключался в том, что наградой за максимально подробные показания и искреннее раскаяние могло стать более мягкое наказание. Трудность в работе с материалами контрольных комиссий заключается в том, что они сохранились лишь фрагментарно, только для части опрошенных оппозиционеров; вместе с этим они не представляют собой единого собрания и распределены по различным фондам (коллекция личных дел, фонды губернской или районных контрольных комиссий и т. д.). Другим важным источником, раскрывающим мотивы и ход оппозиционной борьбы «снизу», являются заявления, поданные при восстановлении в ВКП(б). Часть бывших оппозиционеров считала своим долгом полностью разоружиться перед партией и сопровождала заявление на возвращение в ряды большевиков подробными рассказами о «преступлениях» против партии. Помимо названных источников мы также используем в своей статье немногочисленные воспоминания московских и ленинградских вузовцев-оппозиционеров.

На основании обозначенного круга источников мы выделим ключевые причины и поводы для разногласий с политикой партийного большинства, а также опишем процесс втягивания вузовцев в оппозиционную борьбу.

Демократия

Дискуссия вокруг 1923 г. была наиболее широким обсуждением проблем внутрипартийной

демократии и стала первым этапом формирования низовых оппозиционных групп. Главными программными документами оппозиционеров стали «Новый курс» Троцкого и во многом совпадающее с ним по содержанию, но более радикальное и заостренное «Заявление 46-ти» (получившее среди рядовых партийцев название платформа Сапронова – Преображенского по фамилиям ее наиболее авторитетных составителей). Стараниями Г.Е. Зиновьева Петроград стал оплотом борьбы с «троцкизмом». Принятые местной партийной и комсомольской организацией резолюции о внутрипартийном положении стали основой для дискуссии не только в Северной столице, но и во многих других городах.

Как воспринимали проблемы внутрипартийной демократии студенты? Они часто были склонны обращать внимание не на принципы работы ВКП(б) как таковой, а на те притеснения, который испытывали в собственном партийном коллективе. Многих раздражал явно формальный характер партийной работы, сводившейся к «механическому поднятию рук». Слушатель Военно-медицинской академии В.С. Мухаев заявлял, что партийные массы слишком задавлены и им, в сущности, все равно, за что голосовать, будет одобрено любое заранее сформулированное решение (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 66 об.). Письмо Петроградской организации многими рассматривалось как очередное подтверждение невозможности реального участия партийной массы в принятии решений. Поэтому студенты не просто возражали против содержания письма, но и оспаривали его легитимность, т. к. документ, принятый без обсуждения в ячейках, выдавался за мнение всей организации (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 37 (Горный), Л. 39 (рабфак ЛГУ)). В наиболее острой форме эти переживания выразил студент Института внешкольного образования им. Крупской И.А. Юрьев: мы, как «коммунистические низы <...>, имеем обязанности, но не имеем прав. Постоянное запугивание сверху, спекуляции словами “партидисциплина” и “Ленин сказал” превращают нашу партию в касту. Нетактичность и диктаторство сверху и поставили этот вопрос [о превращении] аппарата из исполнительного органа в руководителя <...> Резолюция Петроградской организации представляет собой резолюцию чиновников, а не рядовых членов партии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1250. Л. 18 об.). Существовали также призывы дать большую свободу дискуссии, не клеймить выступавших фракционерами и не мешать все критические взгляды в единую «опозицию» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 42 об., 44 (2-й Политех)).

Дальнейшая партийная борьба новой оппозиции и блока Троцкого – Зиновьева шла по более широкому кругу вопросов, нежели дискуссия 1923 г. Однако и тогда проблема внутрипартийной демократии была одной из самых актуальных. Более того, после победы ЦК в дискуссии 1923 г. и раз-

грома ленинградской оппозиции 1925–1926 гг. вопрос о демократии перестал быть исключительно политическим. В новых условиях критику или несогласие с линией ЦК невозможно было озвучить без последующего порицания со стороны партийного коллектива, к чему особенно чувствительны оказались студенты. Я.И. Бавыкин (ЛГУ) выступал против процветания шкурничества, пассивного послушания и равнения на начальство. Бюрократия, полагал он, стала принимать уродливую форму. Дискуссии в ячейках нет, материалы толком не прорабатываются. Партийное начальство носится с оппозицией как с «писаной торбой», а на самом деле заглушает любую критику, от члена партии требуется беспрекословное подчинение и мыслями, и делом. Достаточно товарищу высказаться в оппозиционном духе, заключал Бавыкин, как тут же он обращается в плохого работника, на какой бы должности ни находился (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–100. Д. 793171. Л. 6–6 об.). Об отсутствии условий для нормального ведения дискуссии заявляла группа преподавателей-оппозиционеров ЛГПИ им. Герцена – М.М. Духовный, Г.Я. Яковин, О.Г. Лифшиц. На заседании коллектива они отмечали, что дискуссия всегда запаздывает, материалов для кружков недостаточно, работа бюро идет с нарушениями и препятствует нормальному ходу дискуссии: «...бюро коллектива своими мелкими вопросами вытесняет большие – это оппортунистическая пошлость» (ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 123. Л. 3–4). Этот же вопрос поднимали оппозиционеры Сельскохозяйственного института: партаппарат должен исполнять волю партийцев, а не спускать готовые директивы; отмечалось, что дискуссии задавался слишком острый характер, несогласным не давали выступать (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 8). Многие отмечали, что именно невозможность ознакомиться с дискутируемыми материалами (о которых почти все говорили, но мало кто их видел) и толкнула на сближение с оппозиционерами (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–24. Д. 186487. Ч. 3. Л. 4 об.). И.Ф. Панин (ЛГПИ им. Герцена) возмущался, что осуждаются речи и документы, которые никто из собравшихся не читал (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–24. Д. 191061. Ч. а. Л. 7).

Кто-то видел в зажиме демократии прямое следствие политики ЦК – «кучки обанкротившихся лидеров, установивших железную дисциплину и уничтоживших свободу мысли в партии», при этом массам не позволяют участвовать в решении вопросов – на обсуждение выносятся уже готовые резолюции (Е.Е. Свердлов, Политехнический институт) (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21–22.). П.М. Нелогов из Коммунистического университета утверждал, что партийная элита боится критики рядовых большевиков, боится за свое положение, т. к. верхи привыкли к кабинетам и портфелям и потому не допускают изменений в ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–87. Д. 691486. Л. 8).

Индифферентность по отношению к политическим вопросам, безынициативность рядовых партийцев связывались оппозиционерами с их карьеристскими устремлениями. Подробнее этими опасениями делился научный сотрудник Коммунистического университета и впоследствии преподаватель ЛГПИ им. Герцена, историк Н.И. Карпов (член партии с 1917 г.). На опросе в Контрольной комиссии, состоявшемся перед его исключением из партии в декабре 1927 г., он подробно описывал формирование собственных взглядов. В начале 1923 г., работая в университете, он «заметил некоторый холодок, создается какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм». Стараясь побороть растущий отрыв партии от рабочих масс, Н.И. Карпов после перевода в Педагогический институт им. Герцена сам попросил прикрепить его к партийному коллективу «Красного Путиловца» и, отказавшись от высоких постов, пошел в ячейку паровознокотельной мастерской. Историк также сокрушался, что в партию пролезает много приспособленцев, бывших представителей враждебных большевикам партий, которые в своих личных интересах «с пеной у рта» отстаивают линию ЦК. «Если я вижу какие-то ненормальности, я, как большевик, как ленинец прежде всего, в рамках устава партии я стараюсь исправлять все эти недочеты и ошибки» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–57. Д. 453380. Л. 44).

Схожие мысли встречаются на страницах воспоминаний выпускника рабфака МГУ И.М. Павлова. Он признавался, что «Заявление 46-ти» оказало на него сильное воздействие, т. к. озвученные в нем идеи перекликались с его собственными. Он «видел, как после окончания Гражданской войны племя мелких чиновников ринулось к государственному пирогу, отталкивая от него подлинных представителей народа. Видел жестокую борьбу за власть и влияние безыдейных и порочных элементов в партийном и государственном аппаратах. Все эти и многие другие недостатки я объяснял общей некультурностью, разрухой» (Павлов 2001, с. 41). По этим причинам он приветствовал этот протест влиятельных большевиков. Подобные настроения разделяли многие студенты, пришедшие в партию не из карьеристских соображений, а согласно собственным политическим убеждениям.

Активная оппозиционная деятельность Троцкого часто связывалась его противниками с меньшевистским прошлым наркомвоенмора. Если отказаться от спекуляций, связанных с использованием в ВКП(б) слова «меньшевик» исключительно как оскорбления, можно предположить, что названная связь могла действительно существовать. Представители небольшевистских социалистических движений начинали свой революционный путь в условиях большего демократизма и при вступлении в ВКП(б), вероятно, с трудом мирились с довольно жесткой дисциплиной. И если в годы Гражданской войны она рассматривалась как нечто неизбежное,

то в мирное время возникали надежды на большую политическую свободу. Насколько справедливо применить эти предположения к вузовцам? Из более 500 студентов и преподавателей в оппозиции, по нашим подсчетам, не менее 46 имели небольшевистское партийное прошлое: 13 состояли в партии меньшевиков (в т. ч. интернационалистов), 10 – в Бунде и Поалей-Цион, 7 – в ПСР, еще 5 – в зарубежных компартиях, 1 был анархистом. Таким образом почти каждый десятый вузовец-оппозиционер имел политический опыт, не связанный с ВКП(б). Изучение роли этого опыта в становлении левой оппозиции, на наш взгляд, могло бы стать перспективной темой исследования.

Материальная недостаточность

Можно предположить, что, как и в случае многих широких политических движений, оппозиционеров к борьбе подталкивали экономические трудности. Однако этот фактор крайне редко упоминался в качестве причины для вовлечения в протест. Более того, указывали на материальные трудности не сами оппозиционеры, а контрольные органы. Так, отмечалось, что рабфаковец Петроградского университета Н.С. Степанов «благодаря оппозиционную работу в 1923 г., т. к. «благодаря тяжелому материальному положению озлоблен» (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 1). Участник подпольного кружка 1932 г., студент Горного института А.С. Скоморохов «на занятия, будучи больным, ходил без пальто, в рваных ботинках, с промокшими ногами» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-52. Д. 409490. Л. 28). На бедность и отсутствие работы жаловался студент Политехнического института Г.Ф. Щеклейн (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–95. Д. 754545. Ч. 2. Л. 6 об.). Иногда со стороны «фракционеров» звучали выступления в знак солидарности с непростым положением рабочих. М.П. Красовский (Институт путей сообщения) вопрошал: «знает ли пропагандист, чем живет рабочий, и часто ли он у них бывает?»; «как определяется зарплата рабочих?»; «почему рабочих пропущено через санатории и курорты не более 5 процентов от общего числа пропущенных?» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 39. Д. 326. Л. 3). Похожее выступление сделал коллега Красовского по институту, комсомолец Кантер, говоривший о снижении заработной платы ленинградских рабочих (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–26. Д. 201870. Л. 8 об.); высказывания об обнищании рабочих при росте производительности труда звучали в Электротехническом институте (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401091. Л. 3).

Крестьянство

Одно из наиболее частных расхождений оппозиционеров с ЦК проходило по линии крестьянского вопроса и критики нэпа. Неудивительно, что студенческая партийная молодежь, вышедшая преимущественно из крестьянской среды, из всего многообразия теоретических выкладок оста-

новилась именно на этой проблеме. М.М. Ометов (Горный институт) так описывал свои взгляды: «Я сам выходец из деревни, мои родители были безземельные крестьяне, а тов. Сталин, открывая [XIV] съезд, сказал “огонь налево”. Я считал, что ЦК недооценивает кулацкой опасности» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–81. Д. 640700. Ч. 3. Л. 2). Негативное впечатление открытие «огня налево» произвело и на студентов Политеха (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401041. Л. 6–7). Некоторые разногласия по крестьянскому вопросу заставляли вернуться к борьбе уже в подполье. Так, универсант В.И. Чанцев писал, что, отойдя от оппозиции после XV съезда, решил вновь в нее вернуться, когда по материалам печати понял, что объявленное съездом наступление на кулака начало сворачиваться. Особенно на него произвело впечатление выступление В.М. Молотова в печати 1 мая 1928 г., где он говорил о недостаточности популярного у оппозиции тезиса Ленина о крестьянстве: «Уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не забывая о борьбе с кулаком и прочно опираясь только на бедняка» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–9. Д. 71880. Ч. 2. Л. 4). Очевидно, что и многими другими оппозиционерами подобные выступления рассматривались как победа правого, бухаринского курса, который они считали одной из главных опасностей для партии.

Китайский вопрос

Помимо борьбы с кулачеством одним из наиболее популярных поводов для критики ЦК являлась политика по отношению к китайской революции. Эту проблему осознавали и контрольно-партийные органы Ленинграда, составлявшие списки выступавших по китайскому вопросу в коллективах ВКП(б) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–10. Д. 78881. Л. 2 и далее.; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 1–8. Д. 8618 (Московско-Нарвский р-н), ЦГАИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 1–8. Д. 8548 (Володарский р-н)). Резня коммунистов в Шанхае, произошедшая в апреле 1927 г., для многих служила доказательством явных проблем во внешнеполитическом курсе СССР, которые становились очевидными даже без понимания тонкостей политики ЦК по отношению к Гоминьдану. Это событие рассматривалось уже не только как теоретическая, но и как практическая несостоятельность политики Сталина – Бухарина. Впечатление от массовой гибели коммунистов для многих было колоссальным. Преподаватели ЛГУ К.В. Нотман и Г.Е. Горбачев даже после капитуляции и отказа от оппозиционных взглядов оговаривались, что сохраняют свою позицию по китайскому вопросу (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–80. Д. 633087. Ч. 4. Л. 1; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–53. Д. 416191. Ч. 4. Л. 7). Расхождения другого университетского преподавателя Л.Г. Райского и вовсе ограничивались только позицией по Китаю (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–29. Д. 230054. Л. 1). Многие студенты также называли китайский вопрос в качестве

причины вступления в ряды оппозиции. Дискуссия по проблемам взаимоотношения компартии и Гоминьдана продолжалась и в 1928–1929 гг.

В отличие от крестьянского вопроса, обнаружить сколь-нибудь развернутых комментариев от студентов по поводу революции в Китае не удалось. Справедливо будет предположить, что в ряде случаев указание на несогласие с политикой ЦК в китайском вопросе на заседании Контрольной комиссии было выбором меньшего «зла». Многим могло казаться, что расхождение по внешнеполитическому вопросу сочтут не столь тяжким проступком, как критику внутренней политики, что позволило бы спастись от серьезных партийных взысканий.

Бравада

Анализ биографий противников ЦК показал, что важной и неочевидной причиной вовлечения в оппозиционную работу была бравада, свойственная представителям молодого поколения. Так партийные органы характеризовали университетского рабфаковца М.З. Жива: «Молодой. Ищет сильных ощущений. Считает, что выступать против ЦК весьма оригинально. Политически подготовлен слабо. Сомневаемся, чтобы он разобрался во всей партдискуссии» (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 2). Другим примером может послужить биография студента Горного института В.Ф. Лысова. До исключения из ВКП(б) за фракционную работу он имел несколько взысканий за пьянство и дебош. В среде оппозиционеров занимался постоянным поиском провокаторов. Одному из подозреваемых в доносительстве заявил: «...если это неправда, дай мне по морде, а если не дашь, значит, соглашаешься со мной». В 1927 г. Лысов украл из института стеклограф для устройства типографии, на заседание контрольно-партийных органов отказался явиться из-за якобы охватившей его тропической лихорадки. «Постоянное пребывание в той или иной оппозиции объясняется желанием стать в позу “героя”» – сложно не согласиться с такой аттестацией, данной В.Ф. Лысову партийной ячейкой Горного (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–52. Д. 408662. Ч. 2. Л. 3, 8).

Явно бравировал своей оппозиционностью сотрудник института Гипромез Н.Я. Храмцов. В 1926 г. под видом командировки он отправился на Урал для поиска сторонников, где сам в 1918 г. был председателем ЧК в Екатеринбурге. Оппозиционная агитация началась еще в поезде, при этом особую откровенность лозунгам Храмцова придавал обширные запасы алкоголя, которые тот вез с собой. Начав с критики политики Сталина – Бухарина, Храмцов продолжил гневной отповедью в адрес ГПУ. Он настаивал на том, что политуправлению «нечего делать», поэтому оно с благословления ЦК занимается охотой на старых большевиков, ищет их письма, приходит к ним на обыски. Вместо этого ГПУ предлагалось решить наконец польский вопрос, т. е. разбить буржуазное правительство в Польше и посадить туда Троцкого

(лучшая кандидатура после смерти Дзержинского). Сопровождались «оппозиционные философствования» похабными речами, бранью и препирательством с милицией, проводниками и пассажирам (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–19. Д. 69985. Ч. 1. Л. 2–3).

К числу политических авантюристов можно отнести Е.И. Ходе, составителя оппозиционной резолюции в Артиллерийской академии РККА в 1923 г. На тот момент он являлся педагогом-экономистом и помощником по учебной части Академии. Учитывая, что по некоторым источникам ему в тот момент было всего 22 года, такую карьеру можно назвать впечатляющей. Однако более подробное знакомство с политической биографией Ходе вскрывает весьма нетривиальные причины его профессиональных «успехов». Оказалось, что примерно в начале 1920-х гг. Ходе придумал для себя вторую личность, для чего изменил себе год рождения с 1901-го на 1895-й и год вступления в партию с 1919-го на 1915-й. В качестве занимаемых ранее должностей он приписывал себе пост председателя Пермского губкома. При этом своевременно проверить эти данные по партийному билету оказалось невозможным, т. к. он якобы оказался утерян. Метаморфозы Ходе коснулись и его национальности – вместо еврея он решил сказать осетином, для чего представлялся различными вымышленными именами и фамилиями (Ефрен, Долидзе, Долицкий). Эта перемена вовсе не была случайной, т. к. выяснилось, что через свою сестру он был связан с сионистской организацией «Гошмар» («Лев») и имел отношения с главой ее Северо-западного бюро. Конец приключениям Ходе наступил в 1924 г., когда вместе с братом он был арестован за мошенничество в УССР (неучтенная прибыль при добыче серебра) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–1. Д. 5596. Ч. 1. Л. 179–181, 195–196, 197).

Случаи подобного безрассудства были нечастыми, но регулярными. Очевидно, что для оппозиционеров подобного рода вопросы внутрипартийной борьбы находились не на первом месте.

В целом ряде случаев факт нахождения в оппозиции (как и само членство в большевистской партии) выглядит противоречащим всем предпосылкам. Речь идет прежде всего о выходцах из знатных семей. Дед лидера оппозиции Ленинграда, ректора Лесного института Ф.Н. Дингельштедта участвовал в Отечественной войне 1812 г. и во взятии Парижа в 1814 г.; отец его был известным военным (участником Русско-турецкой войны) и художником (ГАРФ Ф. 102. Оп. 147. Д. 350. Ч. 8. Л. 8). О.Е. Юргенс была дочерью крупного чиновника Министерства императорского двора. Брат и сестра М.Х. и З.Х. Бураго (Горный и ЛГУ) и вовсе родились в семье, пострадавшей от революционного движения: их отец, польский дворянин и чиновник, был убит эсерами в 1906 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–7. Д. 49054. Л. 4). Из зажиточных семей купцов и банкиров также были З.Н. Якимова (Институт народного хозяйства), Е.Я. Семичев (Политех).

Вожди

Для многих партийцев оппозиционная работа была связана с авторитетом вчерашних вождей ВКП(б). Не имея возможности выступать в печати, опальные большевики были вынуждены «идти в народ», то есть пойти на непосредственный контакт с партийными массами. В 1927 г. в Ленинграде на квартирных встречах с участием Троцкого, Зиновьева, К.Б. Радека, Г.Е. Евдокимова, Г.И. Сафарова побывали тысячи человек. Конечно, возможность общения или совместной работы со знаменитыми революционерами, вчерашними лидерами не только российского, но и мирового освободительного движения привлекала молодых людей. Для многих неприятие сталинского курса было связано именно с симпатиями или личным доверием к крупным фигурам оппозиции. Л.С. Штеренсон (Институт политпросвет работы им. Крупской) говорил о «глубокой вере в Зиновьева», который имел для него «огромный моральный авторитет». Схожего мнения придерживались и другие оппозиционеры института, отмечавшие, что Зиновьев «не может врать» (ЦГАИПД СПб. Ф. 564. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об., 22). И.Л. Глечков (ЛГУ) отмечал, что вступил в оппозицию после встречи с Зиновьевым на квартире и «его авторитет заставил меня укрепиться во мнении о правоте оппозиции» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–95. Д. 752697. Ч. 1. Л. 9 об.). При таком патерналистском подходе к внутрипартийной борьбе политические и экономические разногласия в ВКП(б) часто отходили на второй план, а борьба с оппозицией воспринималась как результат личного столкновения вождей партии, ущемление авторитетных большевиков. В таких случаях характер оппозиционных выступлений в партъячейках представлял собой защиту права вчерашних большевистских вождей на мнение. Х.И. Ильвес (Восточный институт) говорила, что, «если старые члены партии не имеют права высказываться, это никуда не годится», отмечая при этом, что опирается она не на Троцкого и Зиновьева, а на авторитет тысяч старых большевиков: «... в оппозицию пойдет не всякий, потому что требуется мужество» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–7. Д. 48166. Ч. 6. Л. 11, 13). Е.Е. Свердлов на собрании коллектива ВКП(б) Политехнического института говорил, что именно ЦК, а не оппозиция были главными раскольниками партии, т. к. он отторгает от себя большинство старых ленинцев (ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 2164. Л. 21–22). М.Я. Натансон (Электротехнический институт) утверждала, что Зиновьев правильно вел себя на съезде, т. к. имел право указать партии на слабые места и защищать парторганизацию своего города (ЦГАИПД СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 39. Л. 94). Прозвучало и множество других подобных заявлений, защищавших лидеров оппозиции от обвинений в меньшевизме.

Некоторые приходили в стан сторонников Троцкого под явным впечатлением от его публицистических работ. Известно, что в духе статей

Троцкого о революционном быте выступал и публиковался студент Горного института Б.Л. Бродянский [Бродянский, 1923 а, 1923 б]. Он же составил оппозиционную резолюцию в институте. Среди поклонников литературного творчества наркомвоенмора находился также преподаватель университета Г.Е. Горбачев. Свой отзыв о работе Троцкого «Литература и революция», несмотря на обилие критических выпадов, он завершил суждением о том, что это сочинение – произведение великого литературного критика, а отдельные его главы являются образцом марксистского анализа [Горбачев 1926, с. 160, 194].

Часто для оппозиционеров, наоборот, была принципиальна антивождистская программа, т. е. действия, направленные персонально против авторитаризма И.В. Сталина. З.М. Бравый (Горный институт) характеризовал Сталина как мерзавца (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 405814. Ч. 4. Л. 3); П.М. Нелогов описывал методы подавления оппозиции как сталинский фашизм (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–87. Д. 691486. Ч. 2. Л. 4–5). Подробно о своем неприятии сталинских методов руководства вспоминал выпускник Института путей сообщения Б.Е. Беленький: «Сталин в поисках убивающих оппозицию обвинений выдумал, что оппозиция связалась с капиталистическими странами, чуть ли с контрразведкой», «Мне противны были <...> ультрапарадоксальность и безграничная вера в Сталина». Беленький отмечал, что большое впечатление на него произвело «Завещание» В.И. Ленина, показанное ему коллегой по институту А.А. Кулевым. Из этого сочинения он составил для себя представление о политической «физиономии» генсека (Беленький 2013).

Вовлечение

Рассмотрим то, как происходило втягивание партийцев в оппозиционную борьбу. В предыдущих публикациях мы уже отмечали, что выступление в ячейках начиная с 1927 г. оборачивалось для оппозиционеров настоящим моральным испытанием [Баринов 2021 а, с. 1123]. Б.Е. Беленький описывал то колоссальное давление, которое он испытывал с разных сторон: «В партийном отношении я тогда находился между двумя влияниями, двумя силами. Многие товарищи, желая отколоть меня от оппозиции, доказывали, что оппозиция разрушает единство партии и что это чревато опасностями в период капиталистического окружения нашей страны. Этот довод на меня сильно действовал, и я частенько задумывался, прав ли я. Но с другой стороны передо мной вставал Сталин с его методами руководства <...> и я не мог мириться с ним» (Беленький 2013).

Выступления оппозиции встречали обструкцией, свистом, угрозами расправы и т. д. От старших коллег по оппозиции поступали специальные инструкции – записываться на выступления по 5–6 человек подряд, создавая тем самым впечат-

ление о большом представительстве оппозиции (ЦГАИПД СПб. Ф. 564. Оп. 1. Д. 433. Л. 25). Тем не менее в условиях постоянного давления донести свои идеи до слушателей было непростым делом, однако иногда и такая агитация находила отклик. К.А. Шостак (Политехнический институт) сам нашел в общежитии Института путей сообщения студента, выступавшего в ячейке в оппозиционном духе. Тот сначала подозревал – не шпик ли Шостак. Когда сомнения развеялись, была назначена встреча на нейтральной территории – у памятника Г.Е. Плеханову. Впоследствии состоялась еще пара встреч, после которых Шостака познакомили с оппозиционной Платформой и убедили ее подписать, успокоив его, что документ вполне легальный, т. к. об этом якобы сказал сам С. Орджоникидзе. Одновременно началась подготовка к прениям в ячейке. Впоследствии состоялось знакомство с С.Г. Боголеповым – лидером оппозиции Политеха и Выборгского района, а затем Шостаку дали адрес квартиры, где устраивал встречи Г.Е. Зиновьев (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–51. Д. 401057. Л. 7–8).

Описанный путь – это пример грамотной и осторожной работы оппозиционной ячейки, которая заботилась о качественном составе движения и старалась избегать появления в своих рядах шпионов или провокаторов. По мере включения в работу нового члена знакомили со все более влиятельными фигурами и приглашали на более ответственные собрания. Но далеко не все оппозиционеры отличались подобной аккуратностью. А.З. Брейдо (Институт гражданских инженеров) после встречи с бывшим однокурсником, студентом ЛГУ А.Б. Падво был в скором времени приглашен на собрание с Троцким на проспекте 25 Октября (ныне – Невский). Там его свели с одним из лидеров оппозиции в комсомоле – университетским рабфаковцем М.С. Мартинковским. Тот начал с места в карьер: дал Брейдо оппозиционные материалы, поручил организовать кружок, велел выступать в партячейке, пригласил на новые собрания с участием вождей оппозиции, хотя сам признавал, что они под угрозой срыва. При этом Мартинковский не скрывал своей уверенности в победе оппозиции, говорил о скрытых сторонниках в Центральном и Выборгском райкомах, утверждал (или выдумывал), что свои люди есть и в ГПУ и они спасут оппозицию от чистки партаппарата. Вскоре Брейдо, ошеломленный, очевидно, столь яростным напором, донес обо всем в Контрольную комиссию, сдав полученные материалы и назвав услышанные фамилии (ЦГАИПД СПб. Ф. 601-К. Оп. 1 Д. 868. Л. 102–102 об.). Другие оппозиционеры явно смешивали политическую пропаганду с флиртом. Студентка Института путей сообщения заявляла: «Однажды подходит ко мне тов. [М. Ф.] Строков и заявляет, что “я буду тебя обрабатывать, ты – девка хорошая, но тебя обманывают”» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1–26. Д. 201870. Л. 4).

Большое значение для поиска сторонников имели личные связи. Некоторые оппозиционеры старшего поколения были знакомы еще по дореволюционной партийной работе, как, например, супруга Троцкого А.Л. Бронштейн (Технологический институт) и один из главных пропагандистов «Нового курса» в Петрограде Б.Г. Козловский (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 684141. Ч. 6. Л. 11). Ключевая фигура ленинградской оппозиции 1926–1927 гг. Ф.Н. Дингельштедт в 1910–1911 гг. годы входил в состав Коалиционного комитета, который руководил одной из крупнейших студенческих забастовок в истории Российской империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 147. Д. 350. Ч. 8. Л. 2). Активным участником этого протеста был также Г.Л. Пятаков – будущий лидер компартии Украины, член ЦК ВКП(б), известный оппозиционер [Солдатенко 2017, с. 30–31]. Отметим, что в целом случаи подпольных связей до революции в исследуемой нами группе вузовских оппозиционеров не были слишком часты ввиду молодости студентов и большинства преподавателей.

Другим важным фактором втягивания в оппозиционную борьбу были семейные связи. Даже выборка, ограниченная вузовцами, дает десятки примеров работы в оппозиции семейных пар. Среди преподавателей: В.В. Бухарцева и Т.И. Харечко, О.М. Танхилевич и И.М. Альтер, М.А. Советкина и Ф.Н. Дингельштедт, Д.И. Белоцерковская и Г.И. Григоров, С.А. Лотте и М.Л. Ширвиндт, М.Н. Натансон и А.И. Анишев, С.Б. Раскина и Б.А. Куржний, Б.С. и С.И. Канатчиковы, Н.И. Карпов и О.Е. Юргенс, а также его вторая жена А.Д. Войтоловская, сестра которой была замужем за оппозиционером К.В. Нотманом. Среди студентов: С.Г. и М.М. Боголеповы, Г.А. Лавров и Е.А. Чернышева, Е.Я. и Е.А. Семичевы, Ю.Б. Тартаковская и Е.Т. Тимофеев-Копельсон, С.Ф. и В.С. Витковские, С.Б. Лобанова-Фальковская и Л.С. Штеренсон, К.М. Никитина и С.А. Николаев. В оппозиции состояли и жены ее лидеров – супруга Зиновьева З.И. Лилина (ЛГПИ им. Герцена), бывшая супруга Троцкого А.Л. Бронштейн. Участвовали в оппозиции и кровные родственники, братья и сестры: А.Б. и М.Б. Падво, Н.В. и Д.В. Вихоревы, А.Н. и Г.Н. Луловы, А.Я. и Э.Я. Клявс-Клявины, М.Г. и А.Г. Мальчихины, М.Х. и З.Х. Бурагов, двоюродные братья Н.А. и С.П. Отрожденные, сестры А.Л. Бронштейн и М.Л. Соколовская и др.

Неформальным штабом оппозиции Ленинграда стала бывшая гостиница «Астория», переделанная после революции в 1-й Дом Петроградского совета. Часть дома была отдана под квартиры, где располагались многие оппозиционеры. Сохранились воспоминания современников об истории 1920-х гг.: «...хорошо познакомился с жизнью этого своеобразного ковчега, с его пестрым и в то же время в чем-то схожим населением. Там жили и старые большевики, и – их было больше – молодые партийцы, карьера которых шла вверх, порою стремительно» (Рабинович 1996, с. 88). Известно, что в

«Астории» часто с супругами проживали преподаватели Н.И. Карпов, О.Г. Лифшиц, И.М. Альтер, Ф.Н. Дингельштедт, М.Л. Ширвиндт, Л.Г. Райский, А.И. Малышев и др. Конечно, такая тесная связь порождала не только политическую, но и личную близость. Они хорошо были знакомы между собой в быту, их дети (например, Г.И. Григорова и Ф.Н. Дингельштедта) учились в одних школах (Григоров 2005, с. 408–409; Войтоловская 1991, с. 264).

Тут же в бывших номерах «Астории» велась и работа со сторонниками. Писатель Виктор Серж вспоминал: «Мы собирались в номере “Астории”, обычно у Н.И. Карпова, профессора агрономии, бывшего армейского комиссара. Приходили: два или три рабфаковца, два старых большевика из рабочих, участвовавшие во всех революциях, которые произошли в Петрограде за двадцать лет; К., в прошлом организатор партийной типографии, скромный, не занявший синекуры из-за излишней совестливости, который и десять лет спустя после взятия власти по-прежнему жил в бедности, худой и бледный, в выцветшей фуражке; Федоров, рыжий детина, прекрасно сложенный, с открытым лицом воина-варвара, который работал на заводе и вскоре покинул нас, чтобы в конце концов погибнуть вместе с зиновьевцами» (Серж, 2001, с. 252). О посещении квартиры Н.И. Карпова сообщали студенты на допросе в Контрольной комиссии; за устройство этих собраний, а также за организацию нелегальной типографии 11 октября 1927 г. была исключена из партии его супруга (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–53. Д. 422961. Ч. 4. Л. 1., Оп. 1–52. Д. 412365. Ч. 2. Л. 1). Оппозиционеры собирались здесь и в период подполья. Со своей стороны заметим, что с точки зрения конспирации «Астория» явно не была идеальным местом, т. к. в ней в это время жили одни из первых лиц Ленинграда – председатель губкома Б.Н. Позерн, ответственный секретарь Выборгского и Василеостровского районов П.И. Струппе (Рабинович 1996, с. 88).

Заключение

В условиях, когда агитация в партийных ячейках была затруднена из-за обструкций и давления со стороны начальства, особую роль в деле поиска сторонников начинали играть личные связи. К оппозиционерам приобщали жен и мужей, братьев и сестер, друзей, однокурсников и соседей по общежитию. Наиболее важную роль неформальные связи играли в среде преподавателей, которых часто объединяли революционное прошлое или общий быт. Неправильно будет выставлять личные связи главным источником пополнения рядов оппозиции, т. к. главная ее задача заключалась в работе в среде пролетариев. Однако политическая поддержка близких создавала чувство защищенности, защиты от возможных провокаций.

Политические воззрения студентов-оппозиционеров формировались далеко не только согласно статьям и платформам лидеров. Собственно, из про-

граммной Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции), при всей широте ее содержания, студентами в качестве главных аргументов в агитации и дискуссии использовались только крестьянский и китайский вопросы. Преподаватели при этом отличались куда более основательной теоретической подготовкой, что видно из их выступлений, писем, ответов на вопросы Контрольной комиссии (РГАСПИ Ф. 324. Оп. 1. Д. 59. Л. 94 и далее – письма Н.М. Маторина Г.Е. Зиновьеву). Важным поводом для вступления в оппозицию являлся элемент патернализма и доверия к старым большевикам (в Ленинграде – в особенности к Зиновьеву). Полагалось, что лидеры революции не могут действовать во вред партии и имеют право на критику. Поэтому для части студентов оппозиционная борьба превращалась в защиту авторитета и достоинства крупных большевистских деятелей. Для других оппозиционеров принципиальным был вопрос о зажиме внутри-

партийной демократии. При этом в большинстве случаев речь шла не о порядке работы высших органов власти. Молодые люди, вступившие в ВКП(б) в искреннем порыве сочувствия к революции, в партийных ячейках сталкивались с формализмом, апатией, отсутствием интереса к живой дискуссии. Работа в коллективе (т. е. опосредованно и в самой партии) оказывалась для них конвейером по принятию кандидатур и резолюций. Живая партийная работа подменялась изучением приказов сверху. Дискуссии допускались только по бытовым или административным вопросам устройства университетской или институтской жизни. Критика спускаемых сверху докладов по актуальным политическим и экономическим положением воспринимались как скандал и контрреволюция. Подобное ущемление подталкивало многих людей к политическому протесту.

Материалы исследования

Беленький 2013 – *Беленький Б.Е.* «Враг народа». Мои воспоминания. 2013. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13367>.

Бродянский 1923 – *Бродянский Б.* Грани быта // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 27–28.

Бродянский 1923 – *Бродянский Б.* От пассивной критики к активной работе // Красный студент. 1923. № 9–10. С. 32–33.

Войтоловская 1991 – *Войтоловская А.Л.* По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 334 с. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=862>.

ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

Горбачев 1926 – *Горбачев Г.Е.* Два года литературной революции. Ленинград: Прибой, 1926. 200 с.

Григоров – *Григоров Г.И.* Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. Москва: ОГИ, 2005. 526 с.

Павлов 2001 – *Павлов И.М.* 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. Санкт-Петербург: Петербург – XXI век, 2001. 123 с.

Рабинович 1996 – *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996. 368 с. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=841>

РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*

Серж 2001 – *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Москва: Праксис, 2001. 686 с. URL: <https://sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1201>.

ЦГАИПД СПб. – *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.*

Библиографический список

Halfin 2009 – *Halfin I.* (2007) Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh press, 2007. 416 p.

Апальков 2022 – *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. Москва: АИРО-XXI, 2022. 192 с.

Баринов 2021 а – *Баринов Д.А.* Левая оппозиция в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, Вып. 4. С. 1117–1131. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405>. EDN: <https://elibrary.ru/bhgfj>.

Баринов 2021 б – *Баринов Д.А.* Историк и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 25–37. URL: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_historians_opposition.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47198348>. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>. EDN: <https://elibrary.ru/mbfjap>.

Баринов 2021 с – *Баринов Д.А.* Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа // История повседневности. 2021. № 2. (18). С. 81–100. URL: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_1925_1926.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46955331>. DOI: https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_81. EDN: <https://elibrary.ru/tzewvt>.

Баринов 2022 – *Баринов Д.А.* Студенты в коммунистическом подполье Ленинграда (1928–1929) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 1628. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-16-28>. EDN: <https://elibrary.ru/egmhft>.

Гусев 1996 – *Гусев А. В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Российская история. 1996. № 1. С. 85–103. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/a-v-gusev-levokommunisticheskaya-oppoziciya-v-sssr-v-konce-20-x-godov/> EDN: <https://elibrary.ru/scgefj>

Дмитренко 1987 – *Дмитренко С.Л.* Сплоченными рядами. Москва: Молодая гвардия, 1987. 198 с.

Назаров, 2000 – *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. Москва: ИВИ РАН, 2000. 203 с. URL: https://scepsis.net/library/id_3543.html

Резник 2018 – *Резник А.В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. Санкт-Петербург: Европейский университет, 2018. 389 с. URL: https://vk.com/wall-171948503_4673; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32153783>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgsxq>.

Солдатенко 2017 – *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. Москва: РОССПЭН, 2017. 423 с. URL: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/139>.

Стефаненко 2021 – *Стефаненко А.Ю.* Инициативные группы и внутривнутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского Горного Института (1925–1939 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 397–401. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4\(37\).397-401](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401). URL: <https://portal.novsu.ru/file/1778518>

Фельштинский, Чернявский 2013 – *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. Москва: Центрполиграф, 2013. 451 с.

References

Halfin 2009 – *Halfin I.* (2007) Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh press, 2007. 416 p. (In Eng.)

Apalkov 2022 – *Apalkov D.I.* (2022) Intra-party struggle in the CPSU(b): from «collective leadership» to the Stalinist dictatorship. Moscow: AIRO-XXI, 192 p. (In Russ.)

Barinov 2021 a – *Barinov D.A.* (2021a) Left opposition at Leningrad State University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 66, no. 4, pp. 1117–1131. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405>. EDN: <https://elibrary.ru/bhgftj>. (In Russ.)

Barinov 2021 b – *Barinov D.A.* (2021) Historians and opposition in Leningrad (1920s – 1930s). *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 27, no. 3, pp. 25–37. Available at: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_historians_opposition.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=47198348>. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>. EDN: <https://elibrary.ru/mbfjap>. (In Russ.)

Barinov 2021 c – *Barinov D.A.* (2021) Leningrad opposition in 1925–1926 and higher school. *History of Everyday Life*, no. 2. (18), pp. 81–100. Available at: https://history.museums.spbu.ru/images/BarinovDA_1925_1926.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46955331>. DOI: https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_81. EDN: <https://elibrary.ru/tzewvt>. (In Russ.)

Barinov 2022 – *Barinov D.A.* (2022) Students in the Communist underground of Leningrad (1928–1929). *Vestnik of the Mari State University. Chapter: History. Law*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 16–28. DOI: <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-1-16-28>. EDN: <https://elibrary.ru/egmhft>. (In Russ.)

Gusev 1996 – *Gusev A.V.* (1996) Left communist opposition in the USSR in late 20s. *Russian history*, no. 1, pp. 85–103. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/librarypages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/a-v-gusev-levokommunisticheskaya-oppoziciya-v-sssr-v-konce-20-x-godov/> (In Russ.)

Dmitrenko 1987 – *Dmitrenko S.L.* (1987) Close-knit rows. Moscow, Molodaya gvardiya, 198 p. (in Russ.)

Nazarov 2000 – *Nazarov O.G.* (2000) Stalin and the struggle for leadership in the Bolshevik Party under the NEP. Moscow, IVI RAN Publ., 203 p. (In Russ.). Available at: https://scepsis.net/library/id_3543.html

Reznik 2018 – *Reznik A.V.* (2018) Trotsky and his comrades. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet, 389 p. Available at: https://vk.com/wall-171948503_4673; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32153783>. EDN: <https://elibrary.ru/yjgsxq>. (In Russ.)

Soldatenko 2017 – *Soldatenko V.F.* (2017) Georgy Pyatakov: Lenin's opponent, Stalin's rival. Moscow: ROSSPEN, 423 p. Available at: <http://test8.dlibrary.org/ru/nodes/139>. (In Russ.)

Stefanenko 2021 – *Stefanenko A.Yu.* (2021) Initiative groups and inner-party opposition: the case of the Leningrad Mining Institute (1925-1939). Scientific notes of the Novgorod State University, 2021, no. 4 (37), pp. 397–401. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4\(37\).397-401](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401). Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1778518> (In Russ.)

Felshtinsky, Chernyavsky 2013 – *Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I.* (2013). Lev Trotsky: in 4 chapters. 3rd Chapter: Oppositionist. 1923–1929. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 451 p. (in Russ.)